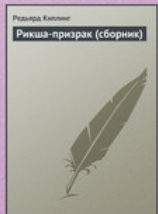

Редьярд Киплинг

Заурядная женщина

*Часть сборника
Рикша-призрак (сборник)*

Редьярд Джозеф Киплинг

Заурядная женщина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6648579

Аннотация

«– Одет! Не говорите мне, пожалуйста, что эта женщина когда-нибудь одевалась! Она стояла посреди комнаты, а ее айя... нет, ее муж – это, конечно, был мужчина – набрасывал на нее одежду. А она в это время поправляла прическу, запустив пальцы в волосы, и счищала потом пух и пыль со шляпы, которая валялась за кроватью. Для меня это так же ясно, как будто я сама присутствовала при этой оргии. Кто она такая? – закончила вопросом свою речь м-с Хауксби...»

Редьярд Киплинг

Заурядная женщина

* * *

– Одета! Не говорите мне, пожалуйста, что эта женщина когда-нибудь одевалась! Она стояла посреди комнаты, а ее айя... нет, ее муж – это, конечно, был мужчина – набрасывал на нее одежду. А она в это время поправляла прическу, запустив пальцы в волосы, и счищала потом пух и пыль со шляпы, которая валялась за кроватью. Для меня это так же ясно, как будто я сама присутствовала при этой оргии. Кто она такая? – закончила вопросом свою речь м-с Хауксби.

– Перестаньте! – сказала м-с Маллови слабым голосом. – У меня и без того болит голова. Я очень несчастлива сегодня. Лучше пожалейте меня, побалуйте чем-нибудь. Принесли вы шоколаду от Пелити?

– С этого бы и начинали. Вы получите сладкое, когда ответите на мой вопрос. Кто и что такое это создание? Вокруг нее, по крайней мере, с полдюжины мужчин, и она точно спит на ходу среди них.

– Дельвиль, – сказала м-с Маллови, – «Мрачная Дельвиль», как ее называют. Она танцует так же небрежно, как одевается. Ее муж что-то такое в Мадрасе. Сделайте визит,

если интересуетесь.

– Что мне делать у нее? Она только на минуту привлекла мое внимание. Я удивляюсь только, что такая неряха может привлекать мужчин. А ведь около нее толпа!

М-с Маллови спокойно сидела, свернувшись клубочком на диване, сосредоточив все свое внимание на лакомствах. Обе они с м-с Хауксби сняли опять тот же дом в Симле. А изложенный выше разговор происходил через два сезона после истории с Отисом Айиром, о которой нам приходилось уже говорить.

М-с Хауксби вышла на веранду и смотрела вниз на Мэль с задумчиво нахмуренными бровями.

– А! – прервала она вдруг громким возгласом свои размышления. – Скажите, пожалуйста...

– Что там такое? – спросила м-с Маллови сонным голосом.

– Та неряха и танцмейстер, о котором я говорила... Они вместе...

– Почему танцмейстер? Он почтенный джентльмен, среднего возраста, только придерживается несколько превратных романтических понятий. Ему хотелось быть моим другом.

– Так постарайтесь же освободить его. Неряхи от природы навязчивы, и эта, кажется, особенно склонна липнуть. Боже, какая ужасная шляпа на этом животном!

– Насколько мне известно, танцмейстер с ней в очень хо-

роших отношениях. Я никогда не интересуюсь продолжительными связями. Он тщетно старается уверить всех, что живет холостяком.

– О-ох! Мне, кажется, приходилось встречаться с такого рода людьми, а он и в самом деле не женат?

– Нет. Он сообщил мне об этом несколько дней назад. Уф! Некоторых людей следует убивать.

– Что же случилось?

– Он претендует на роль – о, ужас из ужасов! – на роль непонятого мужчины. Богу известно, насколько femme incomprise скучна и непривлекательна, но это все-таки не то!

– И при этом такой толстый! Я расхохоталась бы ему в лицо. Мужчины редко доверяются мне. Чем вы их приманиваете?

– Я выслушиваю их повествования о прошлом. Подальше бы от таких мужчин!

– И что же, вы поощряете их?..

– Поощряю? Просто они говорят, а я слушаю. Но они воображают, что я сочувствую им. И я всегда выражаю изумление, даже там, где нет ничего необыкновенного.

– Да. Мужчины так беззастенчиво многословны, когда их слушают. Откровенность женщин, наоборот, всегда полна сдержанности и лжи, исключая...

– Исключая тех случаев, когда они сходят с ума и выбалтывают всю подноготную через неделю знакомства. Но, конечно, мы знаем гораздо больше подобных мужчин, чем особ

нашего пола.

– И ведь что удивительно, мужчины никогда не верят нашей откровенности. Они всегда думают, что мы что-то скрываем.

– И всегда принимают это на свой счет. Однако меня тошнит от этих шоколадных конфет, хотя я съела не больше дюжины. Я, кажется, пойду спать.

– Ну, вы таким образом скоро растолстеете, дорогая моя. Если бы вы больше занимались физическими упражнениями и больше интересовались вашими соседями, вы...

– Была бы так же любима, как м-с Хауксби. Вы милы во многих отношениях, и я очень люблю вас... вы не то, что называют женская женщина... Но только зачем вы так много беспокоите себя человеческими существами?

– Потому что, за отсутствием ангелов, которые, я уверена, невыносимо скучны, мужчины и женщины самые очаровательные существа на свете, лентяйка вы этакая! Меня интересует неряха, интересует и танцмейстер... мне интересен мальчик Хаулей, интересны вы.

– Зачем ставить в один ряд меня и мальчишку Хаулея? Это ваша собственность.

– Из его простодушных излияний я извлекаю пользу для него же. Когда он еще немного образуется, дойдет до высших ступеней службы, тогда я выберу прелестную, чистую девушку, хотя бы мисс Хольт, и... – она сделала жест рукой в воздухе, – что м-с Хауксби соединяет, того люди не разь-

единят. Вот и все.

– Ну а когда вы соедините брачными узами Мэй Хольт с самым незавидным женихом в Симле и возбудите тем непримиримую ненависть мама Хольт, что будете вы делать со мной, распределитель судеб во вселенной?

М-с Хауксби опустилась в низенькое кресло у камина и, опершись головой на руку, долго и пристально смотрела на м-с Маллови.

– Не знаю, – проговорила она, наконец, качая головой, – не знаю, дорогая, что сделала бы я с вами. Сватать вас кому-нибудь невозможно – супруг обратит внимание, и все пропадет. Думаю, лучше начать с предохранения вас от... Что такое? Спите! И храпите всюю!

– Пожалуйста! Я не люблю таких шуток, они слишком грубы. Идите в библиотеку и принесите мне новые книжки.

– Пока вы будете спать? Нет. Если вы не отправитесь со мной, я возьму ваше новое платье, повешу его на верх рикши и, когда меня спросят, что я делаю, буду рассказывать всем, что я везу платье к Филипсу, чтобы перешить его. Постараюсь, чтобы м-с Мак-Намара видела меня. Одевайтесь скорее.

М-с Маллови со стоном повиновалась, и обе пошли в библиотеку, где нашли м-с Дельвиль и господина, известного под прозвищем танцмейстера. Тем временем м-с Маллови разгулялась и снова обрела утраченную способность к красноречию.

– Вон эта тварь! – сказала м-с Хауксби с таким видом, как

будто указывала на слизняка на дороге.

– Нет, – возразила м-с Маллови. – Мужчина тварь. Уф! Добрый вечер, м-р Бент. Я думала, что вы придете пить чай сегодня вечером.

– Разве не завтра? – отвечал танцмейстер. – Я не понял... Я думал... Мне очень жаль... Какая неприятность!

Но м-с Маллови прошла уже мимо.

– Однако нельзя сказать, чтобы он умел выворачиваться, – прошептала м-с Хауксби. – На этот счет – бездарность полная. Следовательно, он предпочитает прогулку с неряхой чашке чаю в нашем обществе? Очевидное родство душ. Полли, пока мир стоит, я не прошу этой женщине.

– Я прощаю всякой женщине все, – сказала м-с Маллови. – Он сам будет для нее достаточным наказанием. Какой у нее вульгарный голос!

Голос м-с Дельвиль нехорош, походка еще того хуже, одежда она вызывающе небрежно. Все это м-с Маллови отметила, когда все вместе вошли в библиотеку.

– Но что же в ней есть после этого? – спросила м-с Хауксби. – Если бы я была мужчиной, я скорее умерла бы, чем показала бы где-нибудь с этой тряпичницей. Но у нее хорошие глаза, остальное... О!..

– В чем дело?

– Она не знает, что с ними делать! Клянусь честью, не знает. Смотрите! О, посмотрите! Неаккуратность я еще могу простить, но невежество никогда! Эта женщина – дура.

– Ш-ш! Она может слышать вас.

– В Симле все женщины дуры. Она подумает, что я говорю о ком-нибудь другом. Но они с танцмейстером составляют замечательную пару. Надеетесь вы увидеть их танцующими вместе?

– Ждите и надейтесь. Я не завидую ее беседе с танцмейстером – отвратительный человек! Скоро приедет сюда его жена?

– Вы знаете что-нибудь о нем?

– Только то, что он говорил мне. Может быть, это все выдумка. Он женился на девушке, родившейся в провинции, и, как человек честный и с рыцарской душой, он сказал мне, что уже раскаивается в своем поступке, а потому отсылает жену, насколько возможно часто, к матери. Она и теперь там. Так он, по крайней мере, говорит.

– Дети?

– Один ребенок. Но он говорит о жене возмутительным тоном. Я ненавижу его за это. И при этом он считает себя блестящим и остроумным.

– Обычный порок мужчин. Мне не нравится, что он все-таки ухаживает за некоторыми девушками, разочаровавшись в выборе. Но мою Хольт он больше не будет преследовать, об этом уж я позабочусь.

– Я думаю, что м-с Дельвиль на некоторое время овладела его вниманием.

– А как вы думаете, осведомлена она, что он глава семей-

ства?

– Не от него, во всяком случае. Меня он заклинал соблюдать абсолютную тайну. Для того я вам и говорю. Известен вам подобный тип мужчин?

– Благодаря Богу, не особенно близко! Обычно, когда мужчина начинает при мне порицать свою жену, я нахожу в себе посланную мне Богом способность отщелкать этого господина по заслугам. Мы расстаемся очень холодно, а я смеюсь.

– Я не такая. Мне не хватает юмора.

– Развивайте его. Юмор был моей главной опорой много лет, прежде чем я осознала это. Умение пользоваться этой способностью спасает женщину в то время, когда она уходит из-под влияния религии, воспитания, семьи. А нам всем необходимо иметь какую-нибудь защиту для спасения.

– А как вы думаете, эта Дельвиль обладает юмором?

– Одежда выдает ее. Ну разве может женщина, которая носит под левой рукой свой supplement, иметь понятие о пригодности вещей, как бы ни были они незначительны? Если она отставит танцмейстера после того, как увидит его хоть раз танцующим, я буду уважать ее. Иначе...

– Только не слишком ли мы поспешили со своим заключением, дорогая? Вы видели эту женщину у Пелити, через полчаса вы видите ее прогуливающейся с танцмейстером, а еще через час вы встречаете ее в библиотеке.

– Всюду с танцмейстером, запомните это.

– Всюду с танцмейстером, пусть так, но все-таки это не дает еще повод воображать...

– Я ничего не воображаю. Я не хочу воображать. Я говорю только, что танцмейстер потому и привлекателен для неряхи, что они оба друг друга стоят. Я уверена, что если он действительно такой, каким вы его описываете, он держит жену в рабстве.

– Она на двадцать лет моложе его.

– Бедное создание! И, в конце концов, после всего его позирования, фанфаронства и лжи – его рот под растрепанными усами прямо создан для лжи – он будет награжден согласно его достоинствам.

– Желала бы я знать, какие у него достоинства? – сказала м-с Маллови.

Но м-с Хауксби нежно прожужжала, низко наклонив голову над страницами новой книжки: «На ловца и зверь бежит, дорогая моя» – у этой особы был необузданный язычок.

Через месяц она возвестила о своем намерении нанести визит м-с Дельвиль. Обе – и м-с Хауксби, и м-с Маллови – были еще в утренних капотах, и во всем доме царило чрезвычайно мирное настроение.

– Я пошла бы, в чем сидела, – сказала м-с Маллови. – Это было бы деликатным комплиментом ее стилю.

М-с Хауксби рассматривала себя в зеркало.

– Я пошла бы, не переодеваясь, чтобы показать ей, какие должны быть утренние капоты. Это могло бы развеселить ее.

Но в самом деле я надену белое платье – эмблема юности и невинности – и новые перчатки.

– Я советовала бы надеть что-нибудь потемнее, если вы действительно пойдете! Белое очень пострадает от дождя.

– Ничего. Я хочу возбудить ее зависть. По крайней мере, попробую, хотя мало надежды на женщину, которая привыкла носить кружевные воротнички.

– Праведное небо! Когда же она была так одета?

– Вчера, на прогулке верхом с танцмейстером. Я встретила их на Джакко, и кружева уже размокли от дождя. К довершению эффекта ее шляпа была не первой свежести и держалась на резинке под подбородком. Я могла только презирать ее.

– Мальчик Хаулей был с вами? Как он отнесся к этому?

– Ну разве может мальчик замечать такие вещи? Могла ли бы я любить его, если бы он был такой? Он рассматривал ее нахальнейшим образом и как раз в то время, когда я думала, что он обратил внимание на резинку, он сказал: «Есть что-то привлекательное в этом лице!» Я немедленно задала ему головомойку. Я не особенно люблю, когда мальчики разговаривают о привлекательных лицах.

– За исключением вашего, конечно. Но я не удивлюсь, если Хаулей нанесет ей визит.

– Это уже запрещено ему. Будет с нее танцмейстера и его жены, когда она придет. А любопытно было бы видеть м-с Дельвиль и м-с Бент вместе.

М-с Хауксби отправилась и через час вернулась слегка возбужденная.

– Нет границ вероломству юности! Я приказала Хаулею, если он ценит наши отношения, не наносить ей визита. И первый человек, на которого я наткнулась – буквально наткнулась – в ее маленькой, темной и тесной гостиной, был Хаулей. Она заставила нас ждать десять минут и затем появилась, надев на себя что-то из корзины с грязным бельем. Вы знаете, дорогая, какой я могу быть, когда постараюсь. Я была великолепна, ве-ли-ко-лепна! Поднимала глаза к нему в невинном созерцании, опускала их долу в великом смущении, конфузливо вертела в руках ридикюль и так далее. Хаулей хихикал, как девочка, а я уничтожала его грозными взглядами.

– А она?

– Она сидела, съежившись, в углу кушетки, с таким видом, как будто страдала от сильнейших болей в желудке. Я с трудом удерживалась, чтобы не расспросить ее о симптомах болезни. Когда я поднялась, чтобы уходить, она хрюкала совершенно как буйвол в воде, когда ему лень двинуться с места.

– Неужели и это было?

– Стану я выдумывать, Полли! Ленъ, настоящая ленъ, ничего иного... Или она была так одета, что могла только сидеть. Я пробыла там лишних четверть часа, чтобы проникнуть в этот мрак, чтобы разгадать обстоятельства, в которых

она живет, пока она сидела, свесив язык на сторону.

– Лю-си!

– Хорошо, язык возьму обратно, хотя я уверена, что если этого не было при мне, то было тотчас же после моего ухода из комнаты. Во всяком случае, она лежала, как чурбан, и хрюкала. Спросите мальчика Хаулея, дорогая. Я верю, что это хрюканье должно было выражать что-нибудь, но это было так неясно, что я не могла разобрать.

– Вы положительно неисправимы.

– Неисправима! Будьте со мной вежливы, я жажду мира и почета, не отнимайте мое единственное удобное кресло перед окном, и я буду кротка, как ягненок. Но я не выношу, когда вместо разговора слышу рычание или хрюканье. Вам это нравится? Представьте себе, что она излагает вам свои взгляды на жизнь, на любовь к танцмейстеру и делает все это нечленораздельными звуками.

– Вы придаете слишком большое значение танцмейстеру.

– Он пришел, когда мы уходили, и неряха просияла при виде его. Он со вкусом улыбнулся и расположился в этой темной конуре с подозрительной фамильярностью.

– Не будьте так беспощадны. Единственный грех, которого я не могу простить.

– Прислушайтесь к голосу истории. Я описываю только то, что видела. Он вошел, куча на диване зашевелилась, Хаулей и я поспешили откланяться. Он разочарован, но тем не менее я сочла своей обязанностью отчитать его за это посеще-

ние. Вот и все.

– А теперь сжальтесь над несчастным созданием и танцмейстером и оставьте их в покое. В конце концов, они не причинили вам никакого вреда.

– Никакого вреда? Одеваться так демонстративно, чтобы быть камнем преткновения для доброй половины населения Симлы, и видеть эту особу Бог знает как одетую – я не возношу хулу на имя Божие, но ведь, как вам известно, он одел полевые лилии – и эта особа привлекает к себе взоры мужчин и некоторых интересных мужчин? Разве этого не достаточно? Я раскрыла глаза Хаулею.

– И как же отнесся к этому милый юноша?

– Отвернул розовую мордочку и смотрел вдаль на голубые холмы, как огорченный херувим. Разве я уж так свирепа, Полли? Скажите мне, скажите, и я успокоюсь. Иначе я пойду на улицу и всполошу всю Симлу какими-нибудь экстравагантными выходками. Ведь, кроме вас, нет ни одной женщины в стране, которая могла бы понять меня, когда я... когда я... ну как это сказать?

– *Tête-félée*, – подсказала м-с Маллови.

– Именно! А именно позавтракаем. Светские обязанности утомительны, и как м-с Дельвиль говорит...

Здесь м-с Хауксби, к величайшему изумлению вошедшей прислуги, разразилась рычаньем и хрюканьем, а м-с Маллови беспомощно смотрела и слушала.

– Господи, прости наши прогрешения, – проговорила м-

с Хауксби набожно, возвращаясь к человеческой речи. – Но таким образом разговаривают некоторые женщины. Очень хотела бы я повидать м-с Бент. Я ожидаю больших осложнений с ее приходом.

– Все подобные осложнения стары, как эти горы! – проговорила м-с Маллови. – Через все это я прошла – через все!

– И все-таки не поняли, что никогда ни мужчина, ни женщина не поступают два раза одинаково. Теперь я старюсь, но когда-то была молода – и если я приду со временем к вам, дорогой мой скептик, и положу голову к вам на колени, вы узнаете, что жизнь моя клонится к закату. Но никогда, нет, никогда, я не потеряю интерес к мужчинам и женщинам. Полли, я предвижу, что эта история кончится плохо.

– Я иду спать, – спокойно заявила м-с Маллови. – Мое правило – не вмешиваться в дела мужчин или женщин, пока они сами не посвятят меня в них. – И она с достоинством удалилась в свою комнату.

Любопытство м-с Хауксби скоро было удовлетворено. М-с Бент приехала в Симлу через несколько дней после вышеприведенной интересной беседы и уже гуляла под руку с супругом по Мэлю.

– Вот! – глубокомысленно сказала м-с Хауксби, потирая свой нос. – Это последнее звено цепи, если не считать супруга Дельвиль, кто бы он ни был. Посмотрим, Бенты и Дельвили живут в одной гостинице. Уодди презирает Дельвиль. Вы знаете Уодди? Она почти так же толста, как неряха. Уодди

также ненавидит супруга Бента, за что душа ее вознесется на небо, если только другие грехи не будут слишком перетягивать.

– Не богохульствуйте, – остановила м-с Маллови. – А мне нравится лицо м-с Бент.

– Я говорю про Уодди, – возразила м-с Хауксби мягко. – Уодди примет под свое покровительство супругу Бент, заняв у нее предварительно все, что только можно занять, начиная со шпилек до сапог ее детей. Такова, дорогая моя, жизнь в отеле. Уодди посвятит супругу Бент в дела танцмейстера и неряхи.

– Люси, вы нравитесь мне больше, когда не заглядываете во внутренние комнаты людей.

– Пусть другие заглядывают в их гостиные. И помните, что бы я ни делала и куда бы ни смотрела, я никогда не скажу того, что скажет Уодди. Будем надеяться, что сдобная улыбка танцмейстера и его манера педагога смягчат сердце этой коровы, его супруги. Но если верить молве, маленькая м-с Бент может быть очень сердита при случае.

– Но на что ей сердиться?

– На что! Танцмейстер уже сам по себе достаточная причина для этого. Как это? «Заблуждения его кладут печать на лицо его». Я верю, что танцмейстер способен на многое дурное, потому и ненавижу его. А неряха так отвратительно одевается...

– Что тоже способна на всякое беззаконие? Я всегда пред-

почитаю лучше думать о людях. Это гораздо спокойнее.

– Очень хорошо. Я предпочитаю верить в худшее. Это предохраняет от излишней расточительности чувств. И вы можете быть вполне уверены, что Уодди верит вместе со мной.

М-с Маллови посмотрела и ничего не ответила.

Разговор продолжался после обеда, пока м-с Хауксби одевалась для танцев.

– Я очень устала, не пойду, – сказала м-с Маллови, и м-с Хауксби оставила ее в покое до двух часов ночи, когда разбудила энергичным стуком в дверь.

– Не сердитесь, дорогая, – сказала она. – Идиотка ая ушла домой, и никто не мог впустить меня.

– Это очень печально, – сказала м-с Маллови угрюмо.

– Ничего не поделаешь! Я одинокая, покинутая вдова, но не могу же ночевать на улице. К тому же какие новости я принесла! О, не прогоняйте меня, голубчик! Неряха... танцмейстер... Я и мальчик Хаулей... Знаете Северную веранду?

– Как я могу разговаривать с вами, когда вы так мечетесь вокруг меня? – протестовала м-с Маллови.

– О, я забыла. Я буду продолжать свое повествование, хотя и не вижу ваших глаз. А вы знаете, что у вас прелестные глаза, дорогая? Ну, начинаю. Мы сидели в ложе с Хаулеем, а она сидела с ним в соседней и говорила ему...

– Кто? Кому? Объясните.

– Вы знаете, о ком я говорю, – неряха и танцмейстер. Нам

было слышно каждое слово, и мы слушали без зазрения совести, особенно мальчик Хаулей. Полли, мне положительно нравится эта женщина!

– Это интересно. Ну, продолжайте. Что случилось дальше?

– Сию минутку. А-ах! Благословенный покой! Я готова была отказаться от наблюдения за ними в последние полчаса. Но все-таки я пересилила себя, и, как уже сказала, мы слушали и слышали все. Неряха растягивала слова больше обыкновенного. «Слу-шай-те, вы, ка-жет-ся, го-во-ри-ли, что влю-бле-ены в ме-ня?» – сказала она, и танцмейстер подтвердил это в таких выражениях, что я возненавидела его еще сильнее. Неряха подумала некоторое время. Затем мы услышали следующую фразу: «Послу-шай-те, м-р Бент, по-чему вы такой ужас-ный лгун?» Я едва удержалась, чтобы не закричать, когда танцмейстер стал оправдываться от возводимого на него обвинения. Кажется, он не говорил ей ни слова о том, что женат.

– Я говорила, что нет.

– Вероятно, она приняла это очень близко к сердцу. Минут пять она тянула, упрекая его в вероломстве, и в конце концов говорила с ним, как мать с сыном. «У вас есть своя собственная прелестная жена, – сказала она. – Она даже слишком хороша для такого старого толстяка, как вы. И вы никогда ничего не говорили мне о ней. Я много думала об этом и еще раз повторяю, что вы лгун». Ну не восхититель-

но ли это? Танцмейстер бормотал какой-то вздор без конца, так что Хаулей вышел из терпения и сказал, что хотел бы вздуть его. И чем больше он трусил, тем больше возражал. А неряха, должно быть, совсем необыкновенная женщина. Она прямо сказала ему, что, будь он холостяк, она, может быть, и не устояла бы перед его преданностью к ней, но как муж другой женщины и отец прелестного ребенка он представляется ей безбожником, и больше ничего. И она опять завела свою волюнку. «И я говорю вам это потому, что ваша жена сердится на меня, а я терпеть не могу ссориться с другими женщинами. И ваша жена мне так понравилась. А как вы провели последние шесть недель? Вы не должны были так поступать. Стыдно это для такого старого толстяка как вы». Можете себе представить, как выкручивался из всего этого танцмейстер! «Теперь ступайте вон, – сказала она. – Я не хочу больше и говорить о том, что о вас думаю. И оставьте меня, пожалуйста, я буду сидеть здесь, пока не начнутся танцы». Ну можно ли было думать, чтобы эта тварь была такая?

– Я никогда не изучала ее с таким вниманием, как вы. Но все это как-то странно. Что же было дальше?

– Танцмейстер пытался льстить, упрекать, шутить, принимать какой-то невероятный тон, и я должна была щипать Хаулея, чтобы удержать его на месте. Она ничего не принимала, и, наконец, он вышел, проклиная себя, как герой плохого романа. Он был отвратительнее, чем когда-либо. Я хотала. И право, я любовалась этой женщиной, несмотря на

ее одежду. А теперь я пойду спать. Что вы обо всем этом думаете?

– Я не намерена ни о чем думать до утра, – сказала м-с Маллови, зевая. – Может быть, она была права. Таким созданиям иногда удается говорить правду.

Рассказ м-с Хауксби о подслушанном ею разговоре хотя и был приукрашен, но по существу не расходился с истинным фактом. По причинам, более всего известным ей самой, м-с Дельвиль, мрачная, отвернулась от м-ра Бента и прогоняла его от себя до тех пор, пока он не покорился. Обиженный всем этим, а главное, прозвищем «старый толстяк», м-р Бент дал понять своей жене, что в ее отсутствие он подвергся самым настойчивым преследованиям м-с Дельвиль. Он рассказывал об этом так часто и красноречиво, что в конце концов сам поверил своим словам, а его жена не могла никак надивиться нравам и обычаям «таких женщин». Когда факты начинали уже терять свою остроту, оказалась под рукой м-с Уодди, раздувавшая искры подозрения в душе м-с Бент. Мистеру Бенту жилось несладко, так как, если верить словам м-с Уодди, жена постоянно упрекала его за вероломство. Он оправдывался тем, что обаятельность его обращения и разговора с женщинами требует от него особой стойкости и осторожности. По его словам, ему не нужно было жениться, чтобы не доставлять мучений ни себе, ни жене. М-с Дельвиль одна оставалась неизменной. Она отодвинула свой стул на конец стола и, очутившись как-то вблизи м-с Бент, попро-

бовала заговорить с ней. Последняя сухо отклонила попытку.

– Будет с меня и того, что она уже сделала, – сказала она.

– Опасная и коварная женщина, – нежно промурлыкала м-с Уодди. Хуже всего было то, что все другие отели в Симле были переполнены.

– Полли, вы боитесь дифтерита?

– Ничего на свете, кроме оспы. Дифтерит убивает, но не обезображивает. Почему вы спрашиваете?

– Потому, что ребенок Бентов схватил дифтерит, и весь отель встал вверх дном вследствие этого. М-с Уодди забрала своих пятерых младенцев и скрылась. Танцмейстер струсил за свое драгоценное горло, и его несчастная жена не знает, что делать. Она совсем растерялась.

– Откуда вы узнали все это?

– Доктор Хаулен сейчас рассказал мне все это на Мэле. Управляющий отелем бранит Бентов, Бенты бранят его. Это совершенно беспомощная пара.

– Так. Что же вы думаете делать?

– Вот именно об этом я и хотела с вами поговорить. Как бы вы отнеслись к моему намерению перевезти сюда ребенка с матерью?

– С непременно условием, что все это не имеет никакого отношения к танцмейстеру.

– Он будет рад остаться в одиночестве. Полли, вы ангел. Женщина действительно в ужасном положении.

– Но ведь вы ее совсем не знаете, беспечное вы существо. И хотите рисковать жизнью для спасения ее ребенка. Нет, Лю, я не ангел. Я запрюсь в своей комнате и буду избегать ее. Но вы поступайте, как хотите. Только скажите мне, зачем вы это делаете?

Глаза м-с Хауксби увлажнились. Она посмотрела в окно, потом на м-с Маллови.

– Не знаю, – сказала она просто.

– Милая!..

– Полли!.. Однако надо приготовить комнаты. Надеюсь, что не более чем через месяц я снова получу возможность бывать в обществе.

– И я тоже. Слава Богу, наконец-то я высплюсь, буду спать, сколько захочу.

К величайшему изумлению м-с Бент, она очутилась здесь вместе с ребенком, прежде чем успела понять, где она находится. М-р Бент был бесконечно признателен, во-первых, потому, что боялся заразы, во-вторых, потому, что надеялся на примирение с м-с Дельвиль, оставшись с ней в одном отеле без жены. Чувство ревности м-с Бент уступило чувству страха за жизнь ребенка.

– Мы можем доставлять вам хорошее молоко, – сказала ей м-с Хауксби, – наш дом ближе к дому доктора, чем отель, и, кроме всего этого, у нас вы не будете чувствовать себя во враждебном лагере. Где милейшая м-с Уодди? Она, кажется, была самым близким вашим другом?

– Все они оставили меня, – сказала м-с Бент с горечью. – М-с Уодди уехала первая. Она сказала, что с моей стороны позорно распространять здесь болезни. Но разве я виновата, что маленькая Дора...

– Очень мило! – заворковала м-с Хауксби. – Уодди сама зараза. И от нее она распространяется на всех. Я жила с ней стена в стену в Элизиуме год назад. Нам вы, как видите, не причиняете ни малейшего беспокойства, я в доме развесила простыни, пропитанные карболкой. Запах очаровательный, не правда ли? Помните еще, что я всегда у вас под рукой, и моя прислуга в вашем распоряжении, когда ваша уйдет обедать. И... и еще, если вы будете плакать, я никогда не прощу вам.

Дора поглощала все внимание матери день и ночь. Доктор приходил три раза в день, и весь дом был пропитан запахом разных лекарственных и дезинфекционных снадобий. М-с Маллови держалась на своей половине, находя, что своим разрешением пустить в дом больного дифтеритом ребенка она принесла уже достаточную жертву на алтарь милосердия. Что же касается м-с Хауксби, то она была более полезна доктору в качестве помощницы, чем полуобезумевшая от страха мать.

– Я ничего не понимаю в болезнях, – сказала м-с Хауксби доктору. – Но говорите мне, что делать, и я буду в точности исполнять все ваши предписания.

– Не позволяйте этой безумной женщине целовать ребен-

ка и вообще старайтесь, чтобы она как можно меньше нянчилась с ним, – сказал доктор. – Я бы, в сущности, и совсем удалил ее, если бы не боялся, что она умрет от беспокойства. Во всяком случае, она мне не помощница, и я рассчитываю больше на вас и на прислугу.

И м-с Хауксби взяла на себя все заботы, хотя глаза ее глубоко запали и вокруг них появились круги от бессонных ночей и ей некогда было думать о своем туалете. М-с Бент цеплялась за нее, как маленький беспомощный ребенок.

– Я знаю, что вы спасете мою Дору, правда? – спрашивала она по двадцать раз в день, и двадцать раз в день м-с Хауксби отвечала ей с неизменным мужеством:

– Без сомнения, спасу.

Но Доре не становилось лучше, и доктор, кажется, не выходил из дома.

– Дело принимает, по-видимому, плохой оборот, – сказал он. – Я буду опять между тремя и четырьмя часами утра.

– Спасибо, – сказала м-с Хауксби. – Я не знаю, что делать без вас, особенно с этой несчастной матерью.

Ночь тянулась с томительной медлительностью. М-с Хауксби сидела в кресле у камина. Был танцевальный вечер в посольстве, и она думала о нем, глядя на огонь. М-с Бент подбежала к ней с горящими безумием глазами.

– Проснитесь, проснитесь! Сделайте что-нибудь! Дора умирает! – лепетала она, вся дрожа. – Неужели она умрет?

М-с Хауксби вскочила и бросилась к постели ребенка. До-

ра задыхалась, а мать в отчаянии ломала руки.

– Что делать?.. Что делать?.. – кричала она. – Она мечется. Я не могу удержать ее. Почему доктор не сказал, что это может быть? Помогите мне! Она умрет!

– Я... я никогда не видала умирающих детей, – бормотала м-с Хауксби. Не будем осуждать ее за слабость, вызванную бессонными ночами, – она опустилась на стул и закрыла лицо руками. Прислуга мирно храпела в углу.

Послышался стук колес рикши, хлопнула дверь вниз, кто-то тяжелой поступью поднимался по лестнице, затем отворилась дверь в комнату, и вошла м-с Дельвиль. М-с Бент с плачем бегала по комнате, призывая доктора. М-с Хауксби зажала уши руками, уткнулась лицом в спинку кресла, дрожала при каждом хрипе, доносившемся с постели ребенка, и бормотала не помня себя: «Слава Богу, что у меня никогда не было детей! Слава Богу, что у меня никогда не было детей!»

М-с Дельвиль взглянула на ребенка, потом взяла за плечи м-с Бент и сказала:

– Ляпис! Скорее!

Мать машинально повиновалась.

М-с Дельвиль встала на колени у постели и раскрыла девочки рот.

– О, вы убьете ее! – закричала м-с Бент. – Где доктор? Оставьте ее!

М-с Дельвиль не ответила ни слова, продолжая хлопотать

около ребенка.

– Дайте ляпис и держите лампу за моим плечом! Делайте то, что я вам говорю.

М-с Дельвиль снова наклонилась над ребенком. М-с Хауксби вся тряслась от рыданий, прижимаясь лицом к спинке кресла. В эту минуту прислуга сказала сонным голосом:

– Сахиб доктор приехал.

М-с Дельвиль повернула голову.

– Вы пришли вовремя, – сказала она. – Девочка задыхалась, я прижгла ей горло.

– Не было никаких признаков, указывающих на возможность этого. Я опасался только общей слабости, – сказал доктор, не обращаясь ни к кому, и прошептал потом, осмотрев ребенка: – Вы сделали то, на что не решился бы я без консультации.

– Она умирала, – сказала м-с Дельвиль, тяжело дыша. – Что было делать? Хорошо, что я поехала сегодня на вечер!

М-с Хауксби подняла голову.

– Прошло? – спросила она, всхлипывая. – Я бесполезна, я более чем бесполезна здесь! Но что вы делали здесь?

Она смотрела поочередно то на м-с Бент, то на м-с Дельвиль. Первая теперь только поняла, кто был главным действующим лицом в только что закончившейся сцене.

Тут начала объясняться м-с Дельвиль, натягивая длинные грязные перчатки и поправляя смятое, дурно сшитое бальное платье.

– Я была на вечере, и доктор сказал мне, что ваша девочка тяжело больна. Я ушла рано, ваша дверь была отперта и... и... я... я... потеряла от этой болезни моего мальчика шесть месяцев назад. Я не могу забыть его. И... мне... мне очень жаль... я извиняюсь, что вмешалась...

М-с Бент держала лампу около доктора, который осматривал Дору.

– Больше не нужно, – сказал доктор. – Я думаю, что ребенку будет лучше теперь. Благодаря вам, м-с Дельвиль. Я мог прийти слишком поздно. Но уверяю вас, – продолжал он, обращаясь исключительно к м-с Дельвиль, – я не имел никаких оснований ожидать этого. Пленка выросла, как гриб. Может ли кто-нибудь из вас помочь мне теперь?

Он имел полное право обратиться с этим вопросом к окружающим. М-с Хауксби бросилась на шею разрывающейся м-с Дельвиль, м-с Бент повисла на них обеих, и не было ничего слышно, кроме звуков поцелуев, всхлипываний и рыданий.

– Простите! Я смяла ваши чудесные розы! – сказала м-с Хауксби, отнимая голову от бесформенной лепешки из смятого розового коленкора и резины на плече м-с Дельвиль и спеша подойти к доктору.

М-с Дельвиль подобрала свою накидку и вышла из комнаты, вытирая глаза перчаткой, которую она так и не надела.

– Я всегда говорила, что она необыкновенная женщина! – истерически всхлипнула м-с Хауксби. – И она доказала это!

Через шесть недель м-с Бент с Дорой вернулись в отель. М-с Хауксби покинула страну слез и вздохов, перестала в конце концов упрекать себя за то, что растерялась в трудную минуту, и приступила снова к своим светским обязанностям.

– Итак, никто не умер, и все опять наладилось, и я поцеловала неряху, Полли. Но мне кажется, я постарела. Не заметно это на моем лице?

– Поцелуи вообще не оставляют таких следов. Но видите, к каким благотворным последствиям привел внезапный приход неряхи.

– Они должны поставить ей памятник – только ни один скульптор не возьмется лепить такой подол.

– А! – спокойно сказала м-с Маллови. – Она получила уже другую награду. Танцмейстер дал понять всем обитателям Симлы, что она пошла из любви к нему – из бесконечной любви к нему – спасти его ребенка, и все поверили.

– Но м-с Бент...

– М-с Бент верит этому более, чем все остальные. Она уже не разговаривает с неряхой. Не правда ли, танцмейстер ангел?

М-с Хауксби пришла в ярость и в этом настроении отправилась в свою спальню. Двери комнат подруг были открыты.

– Полли, – донесся голос из темноты, – что сказала та богатая наследница, толстая неуклюжая американка, когда ее вынули из повалившейся рикши? Какое-то нелепое опреде-

ление, заставившее расхохотаться человека, который ее под-
нял.

– «Глупо», – ответила м-с Маллови. – Так в нос – «как
глупо!»

– Именно, – послышался опять голос. – «Как глупо все
это!»

– Что?

– Все. Дифтерит ребенка, м-с Бент и танцмейстер, я, ры-
дающая в кресле, неряха, свалившаяся с облаков. Интерес-
ная тема.

– Гм!..

– Что вы об этом думаете?

– Не спрашивайте меня. Спите.